
Социокультурные аспекты
национальной безопасности
России

СОЦИАЛИЗМ:
PRO ET CONTRA

2018-5

2433

Э

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

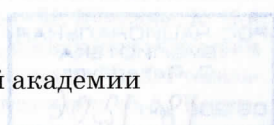

СОЦИАЛИЗМ: PRO ET CONTRA

*Русский социализм
глазами сторонников и противников*

Антология

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург
2017

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Социализм и политическая борьба

<Фрагмент>

<...>

Чему учит нас, в этом случае, история? Она показывает нам, что всегда и везде, где процесс экономического развития вызывал расчленение общества на классы, — противоречие интересов этих классов неизбежно приводило их к борьбе за политическое господство. Эта борьба возникала не только между различными слоями господствующих классов, но также между этими классами, с одной стороны, и народом — с другой, если только последний был поставлен в условия, хоть немного благоприятные для его умственного развития. В государствах древнего Востока мы видим борьбу между воинами и жрецами; весь драматизм истории античного мира заключается в борьбе аристократии и демоса, патрициев и плебеев; средние века выдвигают горожан, которые стремятся завоевать политическое господство в пределах своих коммун; наконец, современный рабочий класс ведет политическую борьбу с буржуазией, достигшей полного господства в новейшем государстве. Всегда и везде политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития. Чтобы не заходить далеко, вспомним историю «третьего сословия», этого класса, который с гордостью может смотреть на свое прошлое, полное блестящих завоеваний во всех отраслях жизни и мысли. Едва ли кому-нибудь может придти в голову упрекнуть буржуазию в отсутствии такта и умения достигать своих целей наиболее подходящими средствами. Никто не станет также от-

рицать, что ее стремления имели вполне определенный экономический характер. Это не помешало ей, однако, вступить на путь политической борьбы и политических завоеваний. То с оружием в руках, то путем мирных договоров, то во имя республиканской независимости своих городов, то во имя усиления королевской власти — нарождающаяся буржуазия вела в течение целых столетий непрерывную упорную борьбу с феодализмом, и уже задолго до французской революции могла с гордостью указывать врагам на свои успехи. «Различны были шансы и неодинаков успех*, — и не только сумма вольностей, вырванных силою или полученных путем мирного соглашения, была не повсюду одинакова, но даже и при одних и тех же политических формах города пользовались часто различною степенью свободы и независимости». Тем не менее, смысл движения был тождествен повсюду и знаменовал собою начало социальной эмансипации третьего сословия и упадка аристократии, светской и духовной. В общем, это движение принесло горожанам «муниципальную независимость, право выбора всех местных властей, точную определенность в повинностях», обеспечило права личности внутри городских коммун**, дало буржуазии более высокое положение в сословных государствах «старого режима», и рядом постоянных завоеваний привело ее, наконец, к полному господству в современном обществе. Ставя себе совершенно определенные, хотя со временем и изменяющиеся, социально-экономические цели, почерпая средства для своей дальнейшей борьбы из приобретенных уже выгод своего материального положения, буржуазия не упустила ни одного случая дать правовое выражение достигнутому ею ступеням экономического прогресса и, наоборот, с таким же искусством пользовалась каждым своим политическим приобретением для новых завоеваний в области экономической жизни. <...>

История есть величайший диалектик, и если, в ходе ее движения, разум превращается, по выражению Мефистофеля, в бессмыслицу, а благодеяние становится источником страданий, — то

* См. «Essai sur l'histoire du tiers État», par Aug. Thierry, p. 33–34. [Тьерпи Ог. Очерк истории третьего сословия. С. 33–34.]

** Лютихский Статут устанавливает принцип неприкосновенности жилища в следующем энергичном выражении: «Бедняк в своем жилище — король». Laurent, «La féodalité et l'église», p. 548. [Лоран. Феодализм и церковь, С. 548.]

не менее часто в историческом процессе следствие становится причиной, а причина оказывается следствием. Вырастая из экономических отношений современного ему общества, политическое могущество буржуазии, в свою очередь, служило и служит незаменимым фактором дальнейшего развития этих отношений.

Теперь, когда буржуазия близится к окончанию своей исторической роли, и пролетариат становится единственным представителем прогрессивных стремлений в обществе, мы можем наблюдать явление, аналогичное вышеуказанному, хотя и совершающееся при изменившихся условиях. Во всех передовых государствах цивилизованного мира, в Европе так же, как и в Америке, рабочий класс выступает на поприще политической борьбы, и чем сознательнее относится он к своим экономическим задачам, тем решительнее выделяется он в особую политическую партию. «Так как существующие ныне политические партии всегда действовали лишь в интересах имущих для охранения их экономической привилегий, — читаем мы в программе североамериканской социалистической рабочей партии, — то рабочий класс обязан организовать в большую рабочую партию, чтобы добиться политической силы в государстве и завоевать, с ее помощью, экономическую независимость, потому что освобождение рабочего класса может быть совершено лишь самими рабочими»*. В том же духе и вполне согласно с программой немецкой социал-демократии высказывается французская рабочая партия, которая признает, что пролетариат должен стремиться к экономической революции «всеми зависящими от него средствами, не исключая и всеобщего избирательного права, превращаемого таким образом из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в орудие освобождения». Испанская рабочая партия также стремится к «завоеванию политической власти» для устранения препятствий, стоящих на пути к освобождению рабочего класса**. <...>

Но подобно тому, как буржуазия не только боролась с аристократией на почве существующих уже политических отношений, а стремилась также перестроить эти отношения в своих интересах,

* Von Studnitz. Nordamerikanische Arbeiterverhältnisse. S. 353. [Фон Штудниц. Положение рабочих в Северной Америке. С. 353.]

** Мы цитируем эту программу по книге Б. Малона «Le nouveau parti», t. I, p. 15. [«Новая партия», т. I, стр. 15.]

пролетариат не ограничивает свою политическую программу захватом современной государственной машины. В его среде все более и более распространяется убеждение в том, что «каждый порядок вещей, определяющий взаимное положение граждан и их имущественные и трудовые отношения, соответствует особой форме правления, которая служит для него средством осуществления и сохранения в одно и то же время»*. Между тем как представительная (монархическая или республиканская) система была детищем буржуазии, пролетариат требует прямого народного законодательства, как единственной политической формы, при которой возможно осуществление его социальных стремлений. Это требование рабочего класса занимает одно из первых мест в программе социальной демократии всех стран и стоит в самой тесной связи со всеми остальными пунктами ее программы**. Вопреки Прудону¹, пролетариат продолжает смотреть на «политическую революцию», как на самое могущественное средство достижения экономического переворота.

Уже одно это свидетельство истории должно было бы предрасположить нас к той мысли, что не ошибочная теория, а верный практический инстинкт лежит в основе политических тенденций различных общественных классов. Если, несмотря на полное несходство в других отношениях, все классы, ведущие сознательную борьбу со своими противниками, начинают на известной стадии своего развития стремиться обеспечить себе политическое влияние, а затем и господство — то ясно, что политический строй общества представляет собою далеко не безразличное условие для их развития. А если мы видим, кроме того, что ни один класс, добившийся политического господства, не имеет причин раскаиваться в своем интересе к «политике»; если, напротив, каждый из них достигал высшей, кульминационной точки своего развития лишь после того, как он приобретал политическое господство, то мы должны признать, что политическая борьба представляет собою такое средство социального переустройства, годность которого доказа-

* См. «Sozialdemokratische Abhandlungen», von M. Rittinghausen, drittes Heft, «Über die Notwendigkeit der direkten Gesetzgebung durch das Volk». S. 3. [«Социал-демократические статьи» М. Риттинггаузена, третий выпуск, «О необходимости прямого народного законодательства», стр. 3.]

** См. программы немецкой и североамериканской рабочих партий. Манифест английской демократической партии также требует «прямого голосования по всем важным вопросам».

на историей. Всякое учение, противоречащее этой исторической индукции, лишается значительной доли убедительности, и если бы современный социализм действительно осуждал политические стремления рабочего класса, как нецелесообразные, то уже по одному этому он не мог бы называться научным.

Проверим теперь наше наведение дедуктивным путем, принимая философско-исторические взгляды Маркса за посылки для наших выводов.

Представим себе общество, в котором данный класс пользуется полным господством. Он добился этого господства благодаря преимуществам своего экономического положения, которые открывают, согласно нашим посылкам, путь ко всем другим успехам общественной жизни. В качестве *господствующего* класса, он, разумеется, приспособляет общественную организацию к наиболее выгодным условиям своего существования и тщательно устраняет из нее все, что может так или иначе ослабить его влияние. «Господствующий класс каждого данного периода, — справедливо говорит Шеффле, — есть также и творец его права и обычая. Его члены повинуются лишь инстинкту самосохранения, когда они стараются упрочить свое господство и удержать его на возможно более продолжительное время за своими потомками, как необходимое условие их привилегированного положения и средство эксплуатации угнетенных... Почти ни одна часть положительного права не пользуется таким почетом со стороны господствующих сословий данного времени, ни одной не приписывается в такой степени характер «вечных» институтов или даже «священных» основ общества, как той, которая упрочивает сословные права и защищает классовое господство*. И до тех пор, пока господствующий класс будет носителем наиболее прогрессивных общественных идеалов, созданный им строй будет удовлетворять всем требованиям социального развития. Но как только экономическая история данного общества выдвинет новые элементы поступательного движения, как только его «производительные силы придут в столкновение с существующими отношениями производства — или, говоря юридическим языком, с имущественными отношениями, внутри которых они до тех пор вращались», — прогрессивная роль данного господствующего класса будет окончена. Из представителя прогрес-

* См. Шеффле, «Bau und Loben des soz. Körpers», В. III, S.S. 91 und 102. [«Строение и жизнь социального организма», т. III, стр. 91 и 102.]

са он делается заклятым его врагом и, разумеется, воспользуется государственной машиной с целью самообороны. Политическая власть делается в его руках самым могучим орудием реакции. Чтобы открыть свободный путь развитию производительных сил общества, необходимо устранить тормозящие это развитие имущественные отношения, т. е. произвести, как говорит Маркс, социальную революцию. Но это невозможно до тех пор, пока законодательная власть находится в руках представителей старого порядка, т. е., говоря другими словами, пока она охраняет интересы господствующего класса. Неудивительно поэтому, что новаторы, т. е. представители угнетенного класса или классов, будут стремиться выбить из рук своих противников и обратить против них это страшное оружие. Сама логика вещей выдвинет их на путь политической борьбы и захвата государственной власти, хотя они и задаются целью экономического переворота. Лассаль² сказал глубокую истину, когда заметил в предисловии к своей «Системе приобретенных прав», что «там, где юридические отношения, переходя в область частного права, теряют, по-видимому, всякую связь с политикой, в них *оказывается гораздо более политического, чем в самой политике*, потому что тогда они представляют собою элемент *социальный*»*.

В практической жизни дело происходит, конечно, далеко не так скоро, как это можно было бы предположить, рассуждая *argiori*. Угнетенный класс лишь постепенно уясняет себе связь между своим *экономическим* положением и своею *политическою* ролью в государстве. Долгое время он не понимает во всей ее полноте даже своей экономической задачи. Составляющие его индивидуумы ведут тяжелую борьбу за свое повседневное существование, не задумываясь даже о том, каким сторонам общественной организации обязаны они своим бедственным положением. Они стараются избегать наносимых им ударов, не спрашивая себя, откуда и кем направляются в последнем счете эти удары. В них нет еще классового сознания, в их борьбе против отдельных угнетателей нет никакой руководящей идеи. Угнетенный класс еще не существует *для себя*; он *будет* со временем передовым классом общества, но он еще не *становится* им. Сознательно организованной силе господ-

* См. «System der erworbenen Rechte», Leipzig 1880, erster Teil, Vorrede. S. VII. [«Система приобретенных прав», Лейпциг 1880, первая часть, предисловие, стр. VII.].

ствующего класса противостоят лишь разрозненные, единичные стремления отдельных личностей или отдельных групп личностей. Так, напр., и теперь еще не редкость встретить рабочего, который ненавидит особенно энергичного эксплуататора, но не подозревает еще необходимости борьбы против целого класса эксплуататоров и устранения самой возможности эксплуатации человека человеком.

Мало-помалу процесс обобщения делает, однако, свое дело, и угнетенные начинают сознавать себя классом. Но они еще слишком односторонне понимают особенности своего классового положения: пружины и двигатели общественного механизма в его целом остаются еще скрытыми от их умственных взоров. Класс эксплуататоров представляется им простою совокупностью отдельных предпринимателей, не связанных нитями политической *организации*. На этой ступени развития в понятиях угнетенных, как и в голове профессора Лоренца фон Штейна³, не ясна еще связь между «обществом» и «государством». Предполагается, что государственная власть стоит выше антагонизма классов, ее представители кажутся естественными судьями и примирителями враждующих сторон. Угнетенный класс относится к ним с полным доверием и приходит в большое удивление, когда обращенные к ним с его стороны просьбы о помощи остаются без ответа. Не останавливаясь на частных примерах, мы заметим только, что подобная путаница понятий обнаруживалась до последнего времени английскими рабочими, которые вели весьма энергичную борьбу на экономической почве и в то же время находили возможным фигурировать в рядах той или другой буржуазной политической партии.

Только на следующей и последней ступени развития угнетенный класс всесторонне выясняет себе свое положение. Теперь он понимает, какая связь существует между обществом и государством, и не апеллирует на притеснения своих эксплуататоров к тем, кто представляет собою политический орган той же эксплуатации. Он знает, что государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, крепость, которою можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет. Рассчитывая лишь на самих себя, угнетенные начинают понимать, что «*политическая* самопомощь есть, как говорит Ланге⁴, важнейший из всех видов *социальной* самопомощи». Они стремятся тогда к политическому господству, чтобы помочь себе путем изменения существующих социальных отношений и приспособления обще-

ственного строя к условиям своего собственного развития и благосостояния. Разумеется, они тоже не вдруг достигают господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключаящей в умах противников всякую мысль о сопротивлении. Долгое время добиваются они лишь уступок, требуют лишь таких реформ, которые дали бы им не господство, а только возможность расти и созревать для будущего господства; реформ, которые удовлетворили бы самые насущные, самые ближайшие их требования и хоть немного расширили бы сферу их влияния на общественную жизнь страны. Только пройдя суровую школу борьбы за отдельные клочки неприятельской территории, угнетенный класс приобретает настойчивость, смелость и развитие, необходимые для решительной битвы. Но раз приобретает эти качества, он может смотреть на своих противников, как на класс, окончательно осужденный историей; он может уже не сомневаться в своей победе. Так называемая революция есть только последний акт в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбой *политической**.

<...>

Все это прекрасно, скажет иной читатель, но ваша аргументация не попадает в цель. Мы не отрицаем, что рабочему классу было бы *полезно* добиться политического влияния и захватить государственную власть в свои руки; мы утверждаем только, что в настоящее время это *невозможно* для него по многим причинам. Ваша ссылка на историю буржуазии недоказательна, так как положение пролетариата в буржуазном обществе вовсе не сходно с положением третьего сословия в государствах «старого режима». Сам Маркс признает это несходство и формулирует его следующим образом в «Коммунистическом манифесте». «Под гнетом лежавшего на нем ига средневековой крепостной возвысился, — говорит он, — до степени члена коммуны, подобно тому, как горожанин вырос до буржуа, несмотря на гнет феодального абсолютизма. Напротив, современный рабочий, вместо того, чтобы с прогрессом промышленности улучшать свое положение, опускается все ниже и ниже. Работник становится нищим, и нищета развивается быстрее, чем население

* Эти строки были написаны за 15 лет до выступления г. Вернштейна в роли «критика Маркса». Пусть судит сам читатель, прав ли этот «критик» и его многочисленные единомышленники, упрекающие нас, «ортодоксов», в том, что мы понимаем революцию пролетариата как простую и почти моментальную «катастрофу». [Примеч. Г.В. Плеханова к изданию 1905 г.]

и богатство буржуазных стран»⁵. Если каждый прогрессивный шаг буржуазии в области производства и обмена сопровождался «соответствующими политическими завоеваниями», то в этом нет ничего удивительного: всякому известно, что улучшение материального благосостояния того или другого класса сопровождается возрастанием его политического влияния. Но именно тот факт, что политические завоевания буржуазии предполагали увеличение ее богатства — именно этот факт и заставляет безнадежно смотреть на политические движения рабочего класса. Все более и более превращаясь в «нищих», рабочие должны, по-видимому, утратить и ту долю влияния, которую они приобрели в борьбе за интересы буржуазии, «побивая врагов своих врагов, — остатки абсолютной монархии, землевладельцев, непромышленную буржуазию» и т. д. Политическая борьба рабочего класса нецелесообразна, потому что, в силу экономического его положения, она осуждена на неудачу.

При всей своей внутренней несостоятельности, возражение это кажется, на первый взгляд, до такой степени решительным, что его невозможно обойти молчанием. Оно является последним основанием аргументации тех сторонников теории политического невмешательства, которые считают себя последователями Маркса*. Поэтому, с его устранением теория невмешательства падает окончательно, и политические задачи современного социализма выступают в их истинном свете.

Доля рабочего класса в национальном продукте постоянно уменьшается, — это не подлежит ни малейшему сомнению. Он становится беднее не только относительно, но и абсолютно, его доход не только не возрастает в одинаковой прогрессии с доходом других классов

* Это покажется парадоксом, но на самом деле теория политического невмешательства рабочего класса формулирована была Бакуниным, как вывод из материалистического объяснения истории. Бакунин, бывший горячим сторонником этого объяснения, рассуждал так: если политический строй всякого данного общества основывается на его экономике, то политическая революция излишня; она сама явится результатом экономической революции. Этот человек, который был когда-то учеником Гегеля, и который должен был бы, кажется, изощрить свою логику, никак не мог понять, что результатом экономики является не только всякий данный, готовый политический строй, но и всякое новое политическое движение, которое, возникнув на почве данных экономических отношений, в свою очередь, служит необходимым орудием их переустройства. На этом недоразумении до сих пор строятся все наиболее серьезные возражения *анархистов* против социал-демократов. [Примеч. Г.В. Плеханова к изданию 1905 г.]

общества, но он падает; реальная заработная плата современного пролетария (количество достоящихся ему предметов потребления) меньше, чем была плата рабочего 500 лет тому назад⁶ — это доказано исследованиями Роджерса, Дюшатлэ⁷ и др. Но отсюда вовсе еще не следует, что в настоящее время экономические условия менее благоприятны для политического движения рабочего класса, чем были они в четырнадцатом веке. Мы говорили уже выше, что, при такого рода оценке экономических условий данной страны, нужно принимать во внимание не только распределение национального дохода, но, главным образом, организацию производства и способ обмена продуктов. Сила зарождавшейся буржуазии заключалась не столько в ее богатстве, сколько в том общественно-экономическом прогрессе, носителем которого она некогда явилась. Не увеличение ее дохода толкнуло ее на путь революционной борьбы и обеспечило возрастание ее политического влияния, а противоречие между вызванными ею к жизни производительными силами и теми условиями, в которых совершались производство и обмен продуктов в феодальном обществе. Сделавшись представительницей прогрессивных требований в этом обществе, она собрала под свое знамя все его недовольные элементы и повела их на борьбу против режима, ненавистного огромному большинству народа. Не деньги, а неразвитое состояние рабочего класса создало ей руководящую роль в этом освободительном движении. Ее богатство, ее и тогда уже относительно довольно высокое общественное положение были, конечно, необходимы для исполнения этой роли.

Но чем обуславливалась эта необходимость? Прежде всего невозможностью для нее вести дело разрушения старого порядка без помощи низших слоев населения. Здесь-то и помогло ей ее богатство. Оно принесло ей влияние на ту самую массу, которая должна была сражаться за ее господство. Не будучи богатой, буржуазия не была бы и влиятельной, а без влияния на народ она не победила бы и аристократии, потому что она была сильна не собственной силой, а той силой, над которой она уже господствовала и которой она повелевала, благодаря своим капиталам. Спрашивается теперь, возможно ли для пролетариата такое влияние на какой-нибудь другой класс населения и нужно ли оно для его торжества? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы услышать решительное «нет» от всякого, понимающего современное положение рабочего класса. Пролетариату невозможно влиять на низшие классы так, как влияла когда-то на него буржуазия, по той простой причине, что нет таких

классов, которые стояли бы ниже его; он представляет собою самую последнюю экономическую формацию современного общества. Да ему и не нужно добиваться такого влияния, потому что он, в то же время, есть самый многочисленный слой этого общества, потому что, вместе с другими слоями трудящегося населения, он всегда был именно тою средою, вмешательство которой решало политические споры. Говорим — самый многочисленный класс, потому что все «прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же именно ею и создается. Средние слои, мелкие купцы и промышленники, ремесленники и крестьяне — все они борются против буржуазии, чтобы отстоять свое существование, как средних слоев. Следовательно, они консервативны. Еще того более, они реакционны, они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они имеют революционное значение, то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не современные, но будущие свои интересы, поскольку они покидают свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата»⁸.

Прежде рабочий класс побеждал, состоя под начальством буржуазии, и только наивно дивился тому странному обстоятельству, что почти все трудности борьбы падают на его долю, между тем как почти все выгоды и почести победы достаются его союзнице. Теперь он не довольствуется этой служебной ролью и обращает против буржуазии ту самую силу, которая некогда принесла ей победу. Но теперь эта сила значительно увеличилась. Она возросла и продолжает возрастать в той же пропорции, в какой совершались и совершаются концентрация капиталов и распространение крупного производства. Она возросла, кроме того, в той самой мере, в какой умножился политический опыт рабочего класса, выведенного самой буржуазией на арену общественной деятельности. Можно ли сомневаться, что пролетариат, оказавшийся некогда достаточно сильным, чтобы разрушить феодальный абсолютизм под руководством буржуазии, будет со временем достаточно силен, чтобы сломить политическое господство буржуазии по своей собственной инициативе? Буржуазия могла победить феодализм лишь благодаря своему богатству, пролетариат победит буржуазию именно потому, что его удел — «нищета» — становится уделом все большей и большей части современного общества.

Но в истории развития буржуазии богатство оказало ей и другую и притом весьма «производительную услугу», как выразились бы

экономисты. Оно дало ей знание, сделало ее самым передовым и образованным слоем тогдашнего общества. Может ли пролетариат приобрести это знание, может ли он быть одновременно и самым бедным, и самым развитым из всех общественных классов? Политическое господство невозможно для него вне этого условия, потому что без знания — нет силы!

Мы говорили уже, что сама буржуазия начала политическое воспитание пролетариата. Она заботилась об его образовании, поскольку это было нужно ей для борьбы с ее врагами. Она расплатилась его религиозные верования там, где это было необходимо для ослабления политического значения духовенства; она расширила его правовые воззрения там, где ей нужно было противопоставить «естественное» право писаному праву сословного государства. Теперь стал на очередь экономический вопрос, и политическая экономия играет теперь — по выражению одного очень умного немца* — такую же важную роль, какую играло в XVIII столетии естественное право⁹. Захочет ли буржуазия быть руководительницей рабочего класса при исследовании отношений труда к капиталу, этого вопроса из вопросов всей общественной экономии? Она неохотно берет на себя даже эту выгодную для нее роль, потому что поднимать этот вопрос, значит уже угрожать ее господству. Да и может ли она выполнить эту роль хотя бы так, как она выполнила ее когда-то по отношению к религии и праву? Нет! Ослепленные интересами своего класса, ее ученые представители давно уже утратили всякую способность к объективному, научному исследованию общественных вопросов. В этом и заключается вся тайна современного упадка буржуазной экономии. Рикардо¹⁰ был последним экономистом, который, оставаясь буржуа до конца ногтей, имел достаточно ума, чтобы понять диаметрально противоположность интересов труда и капитала. Сисмонди¹¹ был последним экономистом-буржуа, у которого было достаточно чувства, чтобы неллицемерно оплакать этот антагонизм. После них общие, теоретические исследования буржуазных экономистов утратили, большею частью, всякое научное значение. Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить историю политической экономии со времен Рикардо и полюбоваться произведениями Бастиа, Кери, Леруа-Болье¹² или хотя бы современных катедер-социалистов¹³. Из мирных и объективных мыслителей буржуазные экономисты превратились в воинствен-

* Т. е. Родбергуса. [Примеч. Г. В. Плеханова к изданию 1905 г.].

ных охранителей и стражей капитала, направляющих все свои усилия на то, чтобы перестроить с военными целями самое здание науки. Но, несмотря на эти воинственные упражнения, они отступают непрерывно и оставляют в руках неприятелей ту научную территорию, на которой они когда-то властвовали бесконтрольно. В настоящее время люди, совершенно чуждые каких бы то ни было «демагогических» стремлений, уверяют, будто рабочие «лучше какого-нибудь Пр. Смита или Фаухера способны усваивать самые абстрактные понятия» в экономической науке. Так думал, например, человек, имя которого пользуется огромным авторитетом среди немецких экономистов, но который с своей стороны питал к ним самое глубокое презрение. «Мы смотрим на рабочих, как на детей, — прибавлял этот человек, — между тем как они переросли уже нас на целую голову»*.

Но нет ли в его словах преувеличения? Может ли рабочий класс понимать «абстрактные» вопросы общественной экономии и социализма, не говорим уже лучше, но так же, как люди, затратившие целые десятки лет на свое образование?

На чем основываются положения современного научного социализма? Представляют ли они собою измышления какого-нибудь досужего благодетеля человеческого рода или являются обобщением тех самых явлений, с которыми мы все так или иначе сталкиваемся в своей ежедневной жизни, объяснением тех самых законов, которыми определяется наше участие в производстве, обмене или просто в распределении продуктов? Кто решит этот вопрос в последнем смысле, тот согласится, что рабочий класс имеет много шансов для правильного понимания «самых абстрактных» законов общественной экономии, для усвоения самых отвлеченных положений научного социализма. Трудность понимания законов той или другой науки обусловливается неполным знакомством с данными, лежащими в основании этих законов. Там, где речь идет лишь об явлениях повседневной жизни, где научный закон обобщает лишь каждому известные случаи, там люди практического дела не только отлично понимают теоретические положения, но и могут иногда научить самих теоретиков. Спросите сельского хозяина о влиянии отдаленности рынка на цену его продуктов или плодородия почвы на высоту поземельной ренты. Спросите фабриканта о влиянии расширения сбыта на удешевление производства.

* Я опять имею в виду Родбергуса. [Примеч. Г. В. Плеханова к изданию 1905 г.].

Спросите рабочего, откуда берется прибыль его предпринимателя... Вы убедитесь, что все эти люди знают Рикардо, никогда не выдавши даже обертки его сочинений. А ведь эти вопросы пользуются репутацией весьма сложных и «абстрактных» вопросов; ведь по поводу их пролиты целые моря чернил, написано такое огромное количество томов, что, приступая к изучению экономической науки, можно ужаснуться этих ворохов печатной бумаги. И так во всем, во всех частях общественной экономии! Возьмите хоть теорию меновой стоимости. В двух словах вы можете объяснить рабочему, чем и как она определяется; а вот многие из гг. буржуазных экономистов до сих пор не хотят или не могут понять этой весьма простой теории и впадают в спорах о ней в такие грубые логические ошибки, за которые ни один учитель арифметики не постеснялся бы поставить единицу ученику «младшего возраста». Поэтому мы и думаем, что цитированный нами писатель был прав, что в настоящее время единственную понятливую аудиторию по жгучим социальным вопросам может быть только аудитория, состоящая из пролетариев или людей, ставших на точку зрения пролетариата. А раз усвоены основные положения общественной экономии — понимание научного социализма не представляет уже трудности: рабочий и здесь будет следовать лишь указаниям своего практического опыта. Эта сторона дела прекрасно выяснена самим Марксом: «Если пролетариат провозглашает разложение всего современного порядка, — читаем мы в его «Критике гегелевской философии права», — то он высказывает этим лишь тайну *своего собственного существования*, потому что оно есть *фактическое разложение* этого порядка. Если пролетариат требует отрицания частной собственности, то этим он только возводит на степень *общественного принципа* то, что уже возведено в его принцип самим обществом, что воплотилось уже в нем, как отрицательный общественный результат, без всякого содействия с его стороны»¹⁴.

Мы видим, стало быть, что пролетариат не нуждается в материальном богатстве, чтобы развиться до понимания условий своего освобождения. Его нищета, — обусловленная *не бедностью и дикостью общества, а недостатками общественной организации*, — такая нищета не только не затрудняет, но облегчает понимание этих условий.

Законы распределения продуктов в капиталистическом обществе в высшей степени неблагоприятны для рабочего класса. Но свойственные капитализму организация производства и форма

обмена впервые создают и объективную и субъективную возможность эмансипации трудящихся. Капитализм расширяет мирозерцание рабочего, уничтожает все предрассудки, унаследованные им от старого общества; он толкает его на борьбу и в то же время обеспечивает победу, увеличивая его численный состав и предоставляя в его распоряжение экономическую возможность организации царства труда. Развитие техники увеличивает власть человека над природой и поднимает производительность труда до такой степени, что обязательность его не может послужить препятствием, но, наоборот, явится необходимым условием всестороннего развития всех членов социалистического общества. В то же время характеризующая капитализм социализация *производства* прокладывает путь для обращения в общую собственность его *средств и продуктов*. Акционерные компании, эта высшая в настоящее время форма организации промышленных предприятий, устраняют капиталистов от всякой активной роли в экономической жизни общества и превращают их в трутней, исчезновение которых не может произвести ни малейшего замешательства в ходе этой жизни. «Если деятельному роду майордомов удалось некогда без труда свергнуть с престола обленившуюся королевскую династию, — говорит консерватор Родбертус, — то почему бы живая и энергичная организация рабочих (служебный персонал компаний составляют квалифицированные работники), почему бы такая организация не была бы в состоянии устранить со временем собственников, превратившихся в простых рантьееров?.. А между тем капитал уже не может свернуть с этой дороги! Переживши период расцвета, капитал превращается в своего собственного могильщика!».

Почему бы, спросим мы в свою очередь, та самая организация рабочих, которая будет в состоянии «устранить собственников, сделавшихся простыми рантьеерами», почему бы такая организация не в состоянии была захватить в свои руки государственную власть и добиться таким образом политического господства? Ведь первое предполагает второе: «устранить» собственников может только такая организация, которая в состоянии преодолеть их *политическое сопротивление*. <...>

III. СОЦИАЛИЗМ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Г. В. Плеханов

Социализм и политическая борьба

Печатается по: *Плеханов Г. В.* Социализм и политическая борьба // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 тт. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 76–91.

Работа Плеханова, которую В. И. Ленин охарактеризовал как «первый profession de foi [исповедание веры] русского социализма», была написана в 1883 г. Она стала первым печатным выступлением группы «Освобождение труда» и знаменовала разрыв Плеханова с народофильским движением. Впервые вышла отдельной брошюрой в октябре того же года в качестве первого выпуска «Библиотеки современного социализма», издаваемой «Освобождением труда».

¹ *Прудон Пьер Жозеф* — см. примеч. 5 на с 803.

² *Лассаль Фердинанд* (1825–1864) — немецкий философ, юрист, экономист и политический деятель, оказавший большое влияние на становление социал-демократического рабочего движения в Германии.

³ *Штейн Лоренц, фон* (1815–1890) — немецкий историк и философ, правовед, экономист, автор идеи социального государства. Последовательный критик марксистского коммунизма, теории и практики революционного движения и сторонник идей надклассовой социальной монархии.

⁴ *Ланге Фридрих Альберт* (1828–1875) — немецкий философ, основатель Марбургской школы неокантианства, экономист, теоретик и участник немецкого рабочего движения.

⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. М.: Госполитиздат, 1955. С. 45–46. (*Примеч. изд. 1956 г.*)

⁶ Это утверждение заимствовано Плехановым из книги: *Briefe und sozialpolitische Aufsätze von Dr. Rodbertus-Jagetzow / herausgeg. von Rud. Meyer.* Berlin, 1882 [Письма и социально-политические статьи д-ра Родбертуса-Ягецова / под ред. Р. Мейера. Берлин, 1882] (*Примеч. изд. 1956 г.*)

⁷ Плеханов имеет здесь в виду исследование английского буржуазного экономиста-историка Торолда Роджерса, в частности его книгу «Six centuries of work and wages», Oxford 1884 («Шесть столетий труда и заработной платы», Оксфорд 1884), и работы французского журналиста и государственного деятеля мальтузианца Шарля Дюшателя, автора произведения «Traité de la charité dans ses rapports avec l'état moral et le bien être materiel des classes inférieures de la société», 2-me éd., 1836 [«Трактат о благотворительности в связи с моральным состоянием и материальным положением низших классов общества», изд. 2. 1836]. (*Примеч. изд. 1956 г.*)

⁸ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. М.: Госполитиздат, 1955. С. 44. (*Примеч. изд. 1956 г.*)

⁹ Естественное право — понятие о праве, возникающем из природы человека, из его разума. Сторонники естественного права рассматривают государство и право как продукт некоторых постоянных свойств, неизменно присущих человеку независимо от его классовой принадлежности и уровня развития общества.

В XVIII в. Руссо, Гельвеций, Гольбах и др. разделяли идею естественного права и использовали ее для борьбы против феодализма.

¹⁰ *Рикардо Давид* (1772–1823) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической политэкономии. Сторонник трудовой теории стоимости. Сформулировал закон обратно пропорциональной зависимости между заработной платой рабочего и прибылью капиталистов.

¹¹ *Сисмонди Жан Шарль Леонар Симонд, де* (1773–1842) — швейцарский экономист и историк, один из основоположников политической экономии романтического склада, был выразителем идеологии мелких товаропроизводителей.

¹² *Бастиа Фредерик* (1801–1850) — французский либеральный экономист, сторонник свободной торговли. Выступал за свободу предпринимательства.

Кери Генри Чарлз (1793 – 1879) — американский экономист. Выступал с критикой классической политической экономии, в том числе, трудовой теории стоимости Д. Рикардо. Один из основоположников теории «гармонии классовых интересов».

Леруа-Больё Пьер Поль (1843–1916) — представитель экономического либерализма, противник вмешательства государства в экономику и критик социалистической доктрины.

¹³ *Катедер-социалисты* — см. примеч. 1 на стр. 812.

¹⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. М., 1955. С. 428. (*Примеч. изд. 1956 г.*)

А. А. Богданов

Социалистическое общество

Печатается по: *Богданов А. А.* Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 90–98.

Впервые опубликована как глава из 7-го издания «Краткого курса экономической науки» (первое издание — 1897, первое легальное издание — 1906). В первых изданиях по цензурным обстоятельствам глава о социализме отсутствовала.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	5
-------------------	---

ВВЕДЕНИЕ

<i>И. А. Гончаров</i> Социализм в исторической ретроспективе	9
<i>В. А. Борисов</i> Советский опыт и новая социалистическая парадигма	27

I.

СОЦИАЛИЗМ КАК ТЕОРИЯ, УТОПИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

<i>М. И. Туган-Барановский</i> Русская интеллигенция и социализм	45
<i>С. Л. Франк</i> Этика нигилизма	52
<i>А. И. Герцен</i> Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле	58
<i>В. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин</i> Письмо к издателю (послание к Герцену)	68
<i>К. Н. Леонтьев</i> Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения....	71
<i>Н. Г. Чернышевский</i> Четвертый сон Веры Павловны <Что делать. Фрагмент>	79

<i>Н. А. Добролюбов</i> Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ	88
<i>М. А. Бакунин</i> Федерализм, социализм, антитеологизм	113
<i>М. В. Буташевич-Петрашевский</i> Объяснение о системе Фурье и о социализме.	124
<i>П. Л. Лавров</i> Социализм и борьба за существование.	146
<i>П. Н. Ткачев</i> Народ и революция	161
<i>С. Г. Нечаев</i> Катехизис революционера	169
<i>В. Тарновский</i> Предисловие переводчика к книге А. Шэфле «Сущность социализма»	174
<i>П. Л. Лавров</i> Примечания к к книге А. Шэфле «Сущность социализма»	184
<i>В. Н. Чичерин</i> Капитализм и социализм	190
<i>П. Б. Аксельрод</i> Социализм и мелкая буржуазия.	211
<i>Л. А. Тихомиров</i> Заслуги и ошибки социализма	245
<i>П. А. Кропоткин</i> Коммунизм и анархизм	263
<i>В. С. Соловьев</i> Критика отвлеченных начал <Фрагмент>	284
<i>Н. И. Кареев</i> Социализм	301
<i>А. В. Луначарский</i> Научный социализм	328
<i>П. Б. Струве</i> Религия и социализм	342

<i>В. И. Ленин</i>	
Партии в философии и философские безголовцы	353
<i>Н. А. Бердяев</i>	
Философская истина и интеллигентская правда	363
<i>П. И. Новгородцев</i>	
Об общественном идеале	
<Фрагмент>	376
<i>М. И. Туган-Барановский</i>	
Сущность и внутренняя природа социализма	391
<i>С. Л. Франк</i>	
Ересь утопизма	408

II.

СОЦИАЛИЗМ КАК ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

<i>П. А. Сорокин</i>	
Социализм и социальное равенство	429
<i>П. Б. Аксельрод</i>	
Кто изменил социализму?	438
<i>М. И. Васильев-Южин</i>	
В огне первой революции. Восстание на броненосце	
«Потемкин». Мое возвращение в Россию	454
<i>В. И. Ленин</i>	
Государство и революция. Учение марксизма о государстве	
и задачи пролетариата в революции	458
<i>А. С. Изгоев</i>	
Социализм, культура и большевизм	480
<i>Ю. О. Мартов</i>	
Мировая социальная революция и задачи социал-демократии.	
Тезисы доклада на апрельском 1920 г. партийном совещании.	498
<i>С. Н. Булгаков</i>	
Христианство и социализм.	508
<i>М. И. Туган-Барановский</i>	
Социалистический строй будущего	523

III. СОЦИАЛИЗМ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

<i>Г. В. Плеханов</i>	
Социализм и политическая борьба <Фрагмент>	549
<i>А. А. Богданов</i>	
Социалистическое общество	564
Вопросы социализма <Фрагмент>	574
Письмо Луначарскому	587
<i>Н. И. Бухарин</i>	
Что такое социализм?	592
Государственный капитализм и социалистическая диктатура. . .	594
Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз.	599
Великая реконструкция (О текущем периоде пролетарской революции в нашей стране) . . .	611
<i>И. В. Сталин</i>	
Вопросы социалистического строительства <Фрагмент>	624
Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У	627
О проекте Конституции Союза ССР <Фрагмент>	631
Об ошибках товарища Ярошенко Л. Д. <Фрагмент>	641
<i>Л. Д. Троцкий</i>	
Две концепции.	651
Накануне съезда	663
Социализм и государство	669
Программа Коммунистической партии Советского Союза (1961)	
<Фрагменты>	684
<i>М. П. Ким</i>	
Советский народ — первый в истории свободный союз свободных работников	701
Конституция СССР (1977). <Преамбула>	711

<i>А. К. Белых</i>	
Развитой социализм — закономерный этап коммунистической формации	
<Фрагмент>	714
<22 признака развитого социализма>	723
<i>И. Р. Шафаревич</i>	
Социализм и индивидуальность	726
<i>Е. Т. Гайдар</i>	
Три источника и три составные части большевизма	737
<i>А. Н. Тарасов</i>	
Суперэтатизм и социализм	752
<i>Ю. А. Красин</i>	
Социализм: необходимость переосмысления	766
<i>А. В. Бузгалин</i>	
Феномен «мутантного социализма»	783
<i>А. И. Колганов</i>	
Производительные силы, производственные отношения и социальные предпосылки социализма	792
Комментарии	799